

А.А. Кротов

Экзистенциализм Сартра: история философии сквозь призму классового сознания и психоанализа

В статье анализируется выдвинутая Ж.-П. Сартром трактовка историко-философского процесса, которую отличает наличие нестандартных поворотов, тонкость отдельных наблюдений, категоричность выводов. Несомненно, изменения в культуре и обществе, произошедшие за истекшие с момента ее создания полвека, не позволяют использовать ее сегодня в качестве единственной, ключевой модели. Вместе с тем экзистенциалистская методология содержит немало положительных, сохраняющих актуальность моментов.

Ключевые слова: Ж.-П. Сартр; экзистенциализм; французская философия; философия истории философии.

Экзистенциализм, с точки зрения его приверженцев, преодолевающий односторонность и заблуждения предшествовавшей философской традиции, претендовал на ясное разрешение многих мировоззренческих проблем, ранее казавшихся чрезвычайно запутанными и вызывавшими как сомнительные ответы, так и не менее спорные опровержения. Среди такого рода проблем — вопрос о смысле историко-философского процесса, его реальном содержании. В рамках атеистической ветви экзистенциализма какой-либо целостной истории философии не было предложено, но определенные принципы ее создания были намечены Ж.-П. Сартром в поздний период его философского творчества. Исследователей сартровского наследия в первую очередь привлекала его трактовка человеческого существования, ее различные аспекты и разнообразные культурные влияния. Этические, политические идеи классика экзистенциализма имели как своих непримиримых оппонентов, так и ревностных защитников. На фоне этих дискуссий концептуальные установки, касающиеся понимания сути историко-философского процесса как бы отодвигались на второй план, иной раз воспринимались в качестве своего рода обрывочных, хотя и плодотворных мыслей, не нашедших строгого оформления набросков. Впрочем, с позиции сегодняшнего дня важна не столько структурная реконструкция историко-философского подхода, имплицитно заложенного в мировосприятии атеистического экзистенциализма, сколько ответ на вопрос о степени ее применимости в современных условиях, пригодности и вероятной ценности при решении современных проблем.

В послевоенный период, проводя линию на сближение экзистенциализма с марксизмом, Сартр переосмысливает свое понимание философии в «Проблемах метода» (1957), работе, которая впоследствии неоднократно публиковалась в составе первого тома его «Критики диалектического разума». Отвергая представления о философии как о единой во все времена науке, «однородной среде», в которой прослеживаются возникновение и гибель теорий, он выдвигает интерпретацию, в основе своей заключающей тезис о классовой природе философских учений. Но эта интерпретация отнюдь не сводится к повторению тем, давно принявших аксиоматический характер в марксистской традиции, она отличается наличием нестандартных поворотов, оригинальностью выводов, меткостью отдельных наблюдений. Фактически, конечно, сартровская модель выходит далеко за пределы классического марксизма и в этом смысле не может быть признана его разновидностью. «На наш взгляд, философии как таковой не существует; как бы мы ее ни трактовали, эта тень науки, эта тайная советчица человечества не более чем гипостазированная абстракция. В действительности есть только отдельные философии. Или, вернее, поскольку в одно и то же время живой бывает только одна философия, в определенных обстоятельствах конституируется какая-то одна философия, призванная выразить движения всего общества; и пока она жива, именно она служит культурной средой для людей данной эпохи» [2: с. 3]. Французский мыслитель, следуя установкам марксизма, рассматривает философию как «способ самосознания восходящего класса». Он подчеркивает, что «самосознание это может быть ясным или смутным, косвенным либо прямым: во времена дворянства мантии и торгового капитализма буржуазия правоведов, торговцев и банкиров почерпнула некоторое знание о себе самой в картезианстве; полтора века спустя, на ранней стадии индустриализации, буржуазия фабрикантов, инженеров и ученых смутно прозрела себя в образе всеобщего человека, созданного кантианством» [2: с. 4]. Философия, ставшая символом своего времени, всегда «превосходит» своего создателя, всегда нечто большее по сравнению с его личностью. Вместе с тем великий философ, взятый в его единичности, помогает прояснить смысл целой эпохи.

Но философия имеет и другое измерение, — по Сартру, она выступает «тотализацией» знания. Задача, стоящая перед философом, заключается в приведении к единству всех современных ему познаний. Само собой, решение этой задачи неотделимо от того образа действий, который свойствен восходящему классу. Философ вырабатывает общие схемы, получающие широкое применение в культуре. «Любая философия является практической, даже та, что поначалу кажется сугубо созерцательной. Метод — это социальное и политическое оружие» [2: с. 5]. Практическая направленность философии проявляла себя, к примеру, в разрушительном воздействии, оказанном картезианством на схоластические идеи. Сартр связывает борьбу буржуазии с абсолютной монархией с событиями в области философии, полагая, что отвергнутые ею «устаревшие значения» служили оправданием господствовавшей социальной

системе. В подобной перспективе картезианство помогало разглядеть «абстрактную всеобщность буржуазной собственности» сквозь туман понятий феодальной системы. Революция ликвидирует привилегии, уже отмененные философским разумом. Поэтому Сартр называет философию «орудием разрушения прогнивших обществ».

Значение философии, ее «действенность» французский мыслитель тесно связывал с обстоятельствами ее возникновения, с «породившей» ее практикой. Пока социальная практика сохраняет свои прежние черты, философия остается востребованной, ее влияние невозможно искоренить. Но при этом философия подвержена изменению, она принимает новые формы, проникая в широкие массы, она может утрачивать некоторые черты, свойственные первоначальному ее содержанию. Она становится и «языковой общностью», и «регулятивной идеей», обуславливающими восприятие мира большим числом людей. Философия в этой связи не может быть ограничена узкими рамками вопросов, интересующих лишь небольшую группу, считающую себя интеллектуальной элитой: «концепция, созданная одним человеком или группой людей, становится культурой, а порой и сущностью целого класса» [2: с. 7]. Выступая носителем классового сознания, философия не может претерпевать ежегодные радикальные обновления, «эпохи философского творчества редки». Очевидно, что социальная практика, детерминирующая философское творчество, меняется лишь постепенно. Отсюда — своеобразная систематизация философских учений Нового времени, которую выдвигает Сартр. Он говорит о трех эпохах, или «моментах» философии, ассоциируя их с именами Декарта и Локка, Канта и Гегеля, Маркса. В расширительном ключе он говорит о «трех философиях», определявших в качестве своеобразного теоретического основания содержание различных учений своего времени, служивших фоном «всякой частной мысли». Именно в этом отношении Сартр объявляет философию «горизонтом всякой культуры», отводя ей, таким образом, чрезвычайно важную роль в человеческой истории.

В поздний период своего творчества Сартр считал именно марксизм животельной почвой современной ему культуры. Он писал о том, что «марксизм далеко не исчерпал себя, он еще совсем юн, он едва только вышел из детского возраста, едва начал развиваться. Поэтому он остается философией нашего времени: его невозможно преодолеть, потому что еще не преодолены породившие его обстоятельства» [2: с. 36]. Но развитие любой философии может остановиться, она способна «окаменеть», застыть в неизменных формах. Подобное явление находит двойное объяснение. Либо философия исчерпала себя, окончательно «мертва», являет собой остатки «обветшалого здания», либо она столкнулась с серьезным кризисом, из которого все еще возможен успешный выход. Философский кризис — следствие социальных противоречий, результат нового положения дел, сложившегося на практике, именно поэтому он не может быть преодолен усилиями нескольких ученых, считающихся знатоками своего предмета, пытающихся спасти систему внесением

в нее искусственных поправок. Такие усилия окажутся тщетными, обернутся своего рода «идеалистической мистификацией», которая не окажет ни малейшего воздействия на реальный ход событий. Выход из кризиса, если его еще не исключают общественные отношения, философии подскажут сами события, человеческая деятельность, подстегивающая философское мышление и позволяющая ему выразиться с наибольшей полнотой.

Автор «Проблем метода» открыто дистанцировался от советского марксизма, констатировал разрыв теории и практики, остановку в его развитии. Он связывал подобное явление с исключительными историческими обстоятельствами, с ошибками, сопряженными с практикой строительства нового строя в условиях «блокады». Сартр говорил о «бюрократическом консерватизме» современного ему марксизма и о свойственной ему «схоластике оправдания». Но подобное положение дел, по Сартру, вовсе не свидетельствует о теоретической несостоятельности марксизма как такового. Догматизм является порождением частных исторических обстоятельств, отказавшись от него, марксизм продолжит свою жизнь. Общий недостаток, выражающий ущербность современных ему интерпретаций, французский философ резюмирует следующим образом: «конкретный марксизм должен изучать реальных людей, а не растворять их в сернокислой ванне» [2: с. 53]. Вместо попыток априорного объяснения исторических объектов характеристиками базиса общества, надлежит предусмотреть анализ проявлений индивидуальности людей, отражение в их поступках и мыслях особенностей той среды, в которой они воспитывались и действовали. Для реализации подобной задачи Сартр предлагает использовать средства психоанализа и социологии. Именно они и выступают теми «вспомогательными дисциплинами», которые призваны помочь марксистам отыскать промежуточные данные, факты, способствующие объемному, полномасштабному описанию и объяснению любого значимого культурного феномена. Упрекая своих оппонентов в том, что они обращают внимание только на взрослых, будто бы люди появляются на свет сразу в зрелом возрасте, Сартр настаивал на необходимости обращения к фактам детского опыта. Именно в детстве, по его мнению, формируются многочисленные установки, даже убеждения, зачастую «во мраке», бессознательно, через искания и метания, которым суждено затем претвориться в поступках взрослого человека.

Экзистенциалистский метод неразрывно связан с пониманием человека как проекта. Речь идет о специфике человеческой деятельности, преобразующей социальную среду. Человек всегда стремится выйти за навязанные пределы, ограничения, он выступает как своего рода движение, направленное на изменение того, «что из него сделали» прежде. Поэтому проект — это и отрицание, преодоление, но и положительное движение к некоторой цели, пока еще не реализованной, не существующей. Экзистенциалистский метод стремится очертить рамки деятельности людей, поэтому в своем исходном пункте он требует наличия обобщенного знания о противоречиях эпохи, о структуре общества. Реализуя себя как проект, человек придает жизнь идеям, с которыми ему

приходится сталкиваться, наполняет их новым смыслом. Нередко идеи получают различное звучание в связи со сменой поколений, между которыми возможен подлинный разрыв. Так или иначе, все уточняющие, «дополнительные», свойственные экзистенциализму в сартровском понимании установки, по мнению французского мыслителя, способны помочь «вернуть марксизму человека».

Философия, с точки зрения Сартра, должна развиваться в рамках обновленного марксизма, и так будет продолжаться до тех пор, пока человечество, благодаря изменениям в социальных отношениях и росту производительных сил, не преодолеет материальной нужды, нехватки жизненных благ. Но вместе с тем он отнюдь не считал марксизм окончательной формой философии, итогом ее развития. Он прогнозировал, что изменение социальной практики сделает неизбежным рождение новой философии, которая придет на смену марксизма. В то же время французский мыслитель настаивал, что конкретные черты этой философии будущего определить заранее не удастся; их нельзя описать, поскольку пока еще отсутствуют те общественные формы, которые придадут им жизненность.

Историками философии неоднократно отмечались своеобразные черты сартровского экзистенциализма «второго этапа» в их соотношении с философией марксизма. Мишель Конта подчеркивал многообразие сартровского творчества, его тесную связь с исторической ситуацией, убеждение одного из лидеров экзистенциализма в примате переживаемого опыта над чистой теорией. «Сартр принимает марксистскую идею, согласно которой люди творят историю на основе предшествующих условий, но он делает акцент на свободном проекте, или практике, исторического деятеля, который лишь частично детерминирован материальными условиями» [3: р. 2307]. Жюльетта Симон, констатируя смещение «интеллектуальных интересов» автора «Бытия и ничто» в сторону марксизма, настаивала на том, что в «Критике диалектического разума» было бы ошибочно видеть разрыв с предшествующим творческим этапом, «намерение скорее в том, чтобы внедрить в марксизм живую силу индивидуальности, и Сартр критикует на всем протяжении произведения механистическую и догматическую диалектику» [5: р. 1373]. Кристиан Декамп обращал внимание на тот факт, что «в *Бытии и ничто* Сартр игнорировал марксизм», хотя его мышление и было, по выражению Симоны де Бовуар, «анти-капиталистическим» и «анти-спиритуалистическим», «однако в *Критике диалектического разума* речь идет о той же самой мысли, которая переосмысливает себя в контакте с историей» [4: р. 232]. Т.А. Кузьмина замечала, что «Сартр высоко оценивал марксизм за его внимание к феномену отчуждения в истории и обществе и заявлял даже о возможности дополнить марксизм экзистенциализмом, однако вскоре понял всю несовместимость этих философий» [1: с. 256]. Фредерик Вормс говорил о расхождении Сартра с теми формами марксизма, с которыми ему довелось сталкиваться, о его стремлении их дополнить, развить: «но с другой стороны, как раз марксизм, который он встречает, имеет своей особенностью не столько материализм... сколько историческую

диалектику, которая склоняется к утверждению объективного детерминизма и исключает в истории момент «субъекта» и человеческой свободы» [6: р. 242]. Приведенные суждения по-своему фиксируют сартровский экзистенциализм в контексте его эпохи, подчеркивая его оригинальность. Весьма влиятельная в середине XX века, эта философия и сегодня привлекает своей ориентированностью на темы свободы, личностной ответственности, исторической неповторимости индивида.

Но насколько пригодна сартровская методология применительно к историко-философскому процессу? Несомненно, она содержит немало положительных моментов, которые сегодня было бы преждевременно списывать со счетов. К их числу можно отнести убеждение в том, что личность философа не может служить исчерпывающим объяснением его учения; что философию следует понимать как «культурную среду эпохи»; что для глубокого осознания истории необходимо исследование мировоззренческих ответов, выдвинутых временем. Плодотворными и заслуживающими внимания остаются установки, связанные с отказом от упрощенного понимания философских систем, объяснения их генезиса общими схемами, абстрактными соображениями. Действительно, пренебрежение конкретным содержанием событий не может выступать сильной стороной историко-философской концепции. Тонкостью, любопытными нюансами отмечены высказывания классика экзистенциализма о духовном разрыве между поколениями, о кризисе философских учений и возможностях выхода из него, о приобретении теорией новых смыслов по мере развития общества, о способах воссоздания неповторимого жизненного пути и черт характера выдающихся личностей.

Вместе с тем вряд ли сегодня оправданно вести речь о создании тщательно выверенной истории философии, выстроенной исключительно по намеченным Сартром принципам. Сами обстоятельства, противоречия эпохи существенно изменились по сравнению с ситуацией полувековой давности. Многие его тезисы, казавшиеся справедливыми его приверженцам, сегодня не кажутся безупречно очевидными. Действительно ли сущностной чертой философии является стремление свести к единству все современные знания, достигнутые обществом? Во многих случаях сегодня философы не ставят подобной цели. Всегда ли систематизация знаний идет по пути, отражающему образ действий конкретного класса? Можем ли мы быть уверены в том, что всегда и везде философия носит практический характер, что теоретические мотивы не могут играть ведущую роль? Действительно ли «правоведы, торговцы и банкиры» XVII века нуждались в том, чтобы обрести самосознание именно в картезианстве? Разве влияние научных открытий менее значимо для развития новых форм философии, чем изменения общественных отношений? Но при отрицательном ответе на приведенный вопрос, очевидно, требуется иная классификация новоевропейских философских систем, другая общая схема. Конечно, крайне важно учитывать биографию автора, рассматривая содержание его произведений, но достаточны ли для этого средства

психоанализа? Весьма вероятно, что приверженность связанным с ним методам способна, напротив, в ряде случаев привести к сужению исследовательского горизонта. Иногда суждения французского мыслителя о знаменитых философах выглядят поспешными, неоправданно уничижительными. Но в любом случае изучение принципов сартровской методологии способно оказать стимулирующее воздействие на современные представления о подлинном содержании историко-философского процесса.

Литература

1. Кузьмина Т.А. Жан-Поль Сартр // Философы двадцатого века. Книга первая. М.: «Искусство XXI век». 2004. С. 246–257.
2. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Прогресс, 1993. 240 с.
3. Contat M. Sartre // Dictionnaire des philosophes. P., PUF. 1984. V. 2. P. 2298–2309.
4. Descamps C. Les existentialismes // Histoire de la philosophie. Sous la dir. de F. Châtelet. T. VIII. P. Hachette. 2000. P. 222–262.
5. Simont J. Sartre // Dictionnaire des philosophes. P., Albin Michel, 2001. P. 1367–1376.
6. Worms F. La philosophie en France au XX siècle. P. Gallimard. 2009. 643 p.

Literatura

1. Kuz'mina T.A. Zhan-Pol' Sartr // Filosofiy' dvadczatogo veka. Kniga pervaya. M.: «Iskusstvo XXI vek». 2004. С. 246–257.
2. Sartr Zh.-P. Problemy' metoda. M.: Progress, 1993. 240 s.
3. Contat M. Sartre // Dictionnaire des philosophes. P., PUF. 1984. V. 2. P. 2298–2309.
4. Descamps C. Les existentialismes // Histoire de la philosophie. Sous la dir. de F. Châtelet. T. VIII. P. Hachette. 2000. P. 222–262.
5. Simont J. Sartre // Dictionnaire des philosophes. P., Albin Michel, 2001. P. 1367–1376.
6. Worms F. La philosophie en France au XX siècle. P. Gallimard. 2009. 643 p.

A.A. Krotov

Sartre's Existentialism: the History of Philosophy Through the Prism of Class Consciousness and Psychoanalysis

In the article the author analyzes J.-P. Sartre's interpretation of the development of the historical and philosophical process. His conception is characterized by unusual turns, subtlety of individual observations, categorical conclusions. Undoubtedly, changes in culture and society, that have happened for half a century since the moment of the creation of his conception, do not allow to use it today as the only key model. At the same time methodology of existentialism includes some positive, actual moments.

Keywords: J.-P. Sartre; existentialism; French philosophy; philosophy of history of philosophy.